

Е.П. Блаватская

ОБЩЕСТВО БЕЗ ДОГМ

Времена сегодня сильно изменились по сравнению с зимой 1875/1876 года, когда создание Теософского общества привело к тому, что большая армия американских спиритуалистов начала размахивать знаменами, бряцать оружием и громко кричать. Как хорошо мы помним все эти "сигналы опасности", предостережения оракулов, угрозы многочисленных медиумов! Как свежи в памяти угрозы "друзей-ангелов" д-ру Гардинеру из Бостона о том, что они убили бы полковника Олькотта, если бы в своих лекциях он назвал их "элементариями"! Самое плохое из этой бури уже позади. Град проклятий уже не бьет вокруг наших просвещенных голов; и мы начинаем видеть, как на небе появляется радуга обещанного мира.

Без сомнения, умиротворение этого волнения в большой степени обусловлено нашим "вооруженным" нейтралитетом. Однако я думаю, что следует также учитывать постепенное распространение желаний больше узнать о причинах явлений. И все же еще не полностью наступило то время, когда лев (спиритуализм) и ягненок (теософия) будут готовы лечь рядом друг с другом, если только ягненок не хочет лежать внутри льва. Пока мы держим язык за зубами, нас просят говорить, но как только мы (или скорее наш президент) начинаем говорить,-- вновь поднимаются громкие крики. Хотя огонь из допотопных ружей и стрельба из мушкетов большей частью прекратилась, укрытия ваших духовных Балкан обороняются современными ружьями Круппа. Если бы огонь был направлен только против полковника Олькотта, то у меня не возникло бы необходимости привлекать резервы. Но осколки обеих бомб, которые взорвал в своих письмах от 4-го и 11-го января "М. А. Оксон",-- ваш способный стрелок и наш общий друг,-- задел и меня. Под бархатным прикосновением его риторики, я ощутила царапины, бросающие мне вызов.

В самом начале того, что может стать долгой борьбой, настоятельно требуется, чтобы теософская позиция была недвусмысленно определена. В последнем из двух вышеупомянутых писем заявляется, что полковник Олькотт называет "учение автора "Разоблаченной Изиды" -- "универсальным ключом ко всем проблемам".(?)

Кто когда-либо утверждал, что эта книга претендует на что либо подобное? Только не автор. Название? Неверное, название, в котором неумышленно виноват издатель, и, если я не ошибаюсь, "М. А. Оксон" об этом знает. Мое название было "Покров Изиды", и это проходит красной нитью через весь первый том. Но пока он не был напечатан, никто не вспомнил, что книга с точно таким названием уже была напечатана ранее. И тогда, как a dernière ressource [крайний способ] издатель выбрал то название, которое есть сейчас.

"Если он [Олькотт] и не является розой, то во всяком случае он жил возле нее",-- говорит ваш ученый корреспондент. Если бы это предложение было встречено мной вне данного контекста, я никогда не могла бы вообразить, что такая непривлекательная старая особа, известная на поверхностном уровне как Е. П. Блаватская, могла быть обозначена этим образом из персидской поэзии. Если бы он сравнил меня с кустом ежевики, я бы сказала ему комплимент за его художественный реализм. Он говорит:

Полковник Олькотт заслуживал бы внимания сам по себе; он заслуживает его еще более, если учесть тот запас знания, к которому он имел доступ.

Поистине, он имел такой доступ к знанию, но никоим образом не ограниченный моей скромной особой. Хотя я действительно донесла до него кое-что из того, что я изучила в других странах (и в каждом случае могла подтвердить теорию на практике), однако и куда более способный учитель, чем я, не мог бы за три коротких года дать ему более, чем самые азы того, что необходимо знать, прежде чем человек сможет постичь духовные и психо-физиологические категории. Сама ограниченность современных языков предотвращает любое быстрое толкование идей, связанных с восточной философией. Я отказываюсь признать, что даже великий Макс Мюллер перевел сутры Капилы в соответствии с их истинным смыслом. Мы видели, что могут сделать с индуистской метафизикой лучшие европейские авторитеты; и что за мешанину они, разумеется, сделали из нее! Полковник непосредственно общается со знатоками индуизма и получает от них гораздо больше, чем от такого неумелого наставника, как я.

Наш друг "М. А. Оксон" говорит, что полковник Олькотт "выступил вперед, чтобы просветить нас"; вряд ли он мог бы выразиться менее точно. Он никогда не выступает вперед и не претендует на то, чтобы кого-либо просвещать. Публика хотела бы знать о взглядах теософов, и наш президент попытался вкратце, сколь это возможно в рамках одной статьи, дать беглый взгляд на ту истину, которую он изучил. То, что результат не мог быть полностью удовлетворительным, было совершенно неизбежно. Не хватило бы и многих томов для того, чтобы ответить на все вопросы, естественно возникающие в пытливом уме; лишь библиотека из большого количества толстых книг могла бы уничтожить предубеждения тех, кто давно стоит на якоре вековых метафизических и теологических заблуждений, а возможно -- и ошибок. Но хотя наш президент не виноват в приписываемой ему "претензии на просвещение" спиритуалистов, я думаю, что он безусловно высказал несколько намеков, заслуживающих внимательного рассмотрения непредубежденными людьми.

Я сожалею, что "М. А. Оксон" не удовлетворен одними лишь предположениями. Ничто, кроме полной и неприкрытой истины не удовлетворит его. Мы должны "сопоставлять" наши теории с его фактами; мы должны опять-же низвести нашу теорию до возможности "точной демонстрации". Нас спрашивают:

Где находятся провидцы? Что представляют их записи? И, самое главное, что свидетельствует об их подлинности?

Я отвечаю: провидцы там, где еще существуют "Школы Пророков", и там же находятся их записи. Хотя спиритуалисты не способны отправиться на их поиски, но философия, которой они учат, привлекает своей логикой, и ее принципы математически доказуемы. Если это не так, пусть это будет показано.

Но, в свою очередь, теософы могут спросить и спрашивают: Где доказательства того, что медиумические явления связаны исключительно с деятельностью бестелесных "духов"? Кто является "провидцами" среди медиумов, одаренными безошибочной ясностью видения? Какие существуют "тесты", не оставляющие возможности для альтернативного объяснения? Хотя Сведенборг был одним из величайших провидцев, и в его честь создаются церкви, но все же, за исключением того, что у него имеются приверженцы, как можно доказать то, что "духи", которых он видел,-- в том числе дух Павла,-- прогуливавшиеся в шляпах, были чем-либо иным, кроме плодов его воображения? Являются ли духовные возможности живого человека столь хорошо изученными, что медиумы могут точно сказать, когда прекращается их собственная деятельность и они начинают быть проводниками потустороннего влияния? Нет; но, вместо того, чтобы ответить на наше предположение, что этот вопрос открыт для дискуссии, "М. А. Оксон"

обвиняет нас в попытках опровергнуть то, что он обозначает как "кардинальная догма нашей веры", то есть веры спиритуалистов.

Догма? Вера? Это правая и левая опора каждой подавляющей душу теологии. Теософы не имеют догм и слепой веры. Теософы всегда готовы оставить любую идею, если ее ошибочность доказана строгим логическим путем; пусть спиритуалисты сделают то же самое. Догмы -- это игрушки, которые восхищают и удовлетворяют лишь неразумных детей. Они являются производным человеческих спекуляций и предубежденной выдумки. В глазах истинной философии кажется оскорблением общепринятых представлений то, что мы хотим оторваться от идолов и догм христианской или языческой экзотерической истины, чтобы взять их же из церкви спиритуализма. Спиритуализм должен быть либо истинной философией, доступной для проверки общепринятыми критериями логики, или же он должен найти свою собственную нишу позади разрушенных идолов множества предшествовавших ему христианских сект.

Осознавая бесконечность абсолютной истины, теософы отказываются от всяких претензий на непогрешимость. Они сметают, как пыль со своего пути, самые любимые предубеждения, самые "благодатные надежды", самые сильные "основные желания", если их ошибочность установлена. Их высочайшая надежда состоит в том, чтобы приблизиться к истине. То, что им удалось обогнать на несколько шагов спиритуалистов, доказывается их уверенностью в том, что они не знают ничего в сравнении с тем, что нужно знать; в их готовности пожертвовать всякой любимой теорией и эмоциональными побуждениями перед лицом факта; в их абсолютном и безоговорочном отрицании всего, что имеет запах "догмы".

С большим риторическим мастерством, "М. А. Оксон" рисует результат вытеснения спиритуалистических идей теософскими. Вкратце, он показывает спиритуализм как безжизненный труп:

Тело, из которого вырвана душа, и о котором большинство людей не будет заботиться.

Мы отмечаем, что на самом деле справедливо обратное. Спиритуалисты вырывают душу из истинного спиритуализма тем, что они принижают Дух. Из бесконечного они делают конечное; из божественного субъективного они делают человеческое и ограниченное объективное. Являются ли теософы материалистами? Не согреваются ли их сердца той же "чистой и святой любовью" к "своим возлюбленным", что и у спиритуалистов? Не пытались ли многие из них долгие годы "найти доступ в царство Духа через ворота медиумизма",-- и пытались понапрасну? Но утешение и уверенность, которых не мог дать нам современный спиритуализм, мы нашли в теософии. В результате этого, мы верим гораздо более твердо, чем многие спиритуалисты -- поскольку наша уверенность основана на знании,-- в общность тех, кого мы любим, с нами самими, но не в виде материализованных духов с бьющимися сердцами и потными лбами.

Придерживаясь таких взглядов в отношении логики и факта, мы чувствуем, что когда спиритуалист произносит перед нами слова "догма" и "факт", дискуссия невозможна, поскольку нет общей платформы, на которой мы могли бы встретиться. Мы отказываемся ломать головы, борясь с призраками. Если бы факту и логике придавалось то значение, которого они заслуживают, то в этом мире не было бы больше храмов для экзотерического поклонения, христианского или языческого, и метод, предлагаемый теософами, приветствовался бы как единственный, обеспечивающий действие и прогресс -- прогресс, который нельзя остановить, поскольку каждый шаг дает возможность увидеть гораздо большие шаги, которые должны быть сделаны.

Коротко о том, как создаются у нас "провидцы" и "их записи". В "Спиритуалисте" за 11 января я нахожу высказывание д-ра Пибла о том, что в соответствующее время он:

опубликует факты о дравидийских брахманах, которые мне ему дозволено. Я говорю дозволено, потому что некоторые из них произошли при клятвенном обещании сохранить их в секрете.

Если даже от случайного путника требуется сохранение тайны, прежде чем ему будет показано кое-что из не очень важных психо-физиологических феноменов, не может ли быть так, что Братство, к которому принадлежат некоторые теософы, также имеет доктрины, записи и феномены, которые не могут быть открыты непосвященному и незаинтересованному, без обвинений, направленных против их реальности и авторитетности? Уж это-то, по крайней мере, "М. А. Оксон" знает, как я полагаю. Поскольку мы не навязываем себя нежелающей публике, а лишь отвечаем в условиях принуждения, нас вряд ли можно обвинить в упрямстве, если мы не предлагаем разношерстной публике ни "провидцев", ни "их записи". Когда Магомет готов идти к горе, гора должна стоять на своем месте.

Поскольку из тех, кто производит такой поиск, никто не может полагать, что мы, теософы, посылаем его в такое место, где не было бы опасностей для опрометчивого человека, я приведу цитату из знаменитого комментария к Бхагавад-Гите, написанного нашим братом Харричандом Чинтамоном, в которой содержится безусловное допущение того, что:

В Индии, как и в Англии, доктрины существуют для образованных, а догмы -- для необразованных людей; грубое мясо -- для мужчин, а молоко -- для детей; факты -- для немногих, а фикции -- для многих; реальность -- для мудрого, выдумки -- для простака; эзотерическая истина -- для философа, а экзотерический миф -- для дурака.

Подобно философии, которой учит этот автор в цитируемой работе, задачей Теософского общества является "очищение духовной Истины".

Нью-Йорк, 20 января 1877 года.
"Спиритуалист", 8 февраля 1878 года.
